

Чэн Фэнтай спросил:

— Шурин, Фань Лянь, должно быть, немало говорил обо мне плохого, не так ли?

— Именно так. Но сегодня, увидев тебя, я понял, что он просто завидовал.

— Ха-ха, шурин, вы здесь временно или надолго?

— Это зависит от того, когда председатель Цзян снова переведёт меня на другую работу! До этого не знаю, сколько времени придётся провести в вашем гостеприимном доме.

Фань Лянь засмеялся:

— Председатель Цзян занимается твоими делами?

Он повернулся к Чэн Фэнтаю:

— Шурин работает в суде, а в суде работы не перебрасывают туда-сюда.

Чэн Фэнтай, ранее слышавший от Фань Ляня о жизненных перипетиях Чан Чжисиня, удивился:

— Шурин, вы изучали право в Лингвистическом университете?

Чан Чжисин, также слышавший от Фань Ляня о жизни Чэн Фэнтая, поправил очки и сказал:

— Всё из-за того, что мой зять изучал литературу в Юридическом университете, занял моё место, и мне пришлось изучать право в гуманитарном институте.

После этих слов все трое рассмеялись. Чан Чжисин оказался не таким серьёзным, как казалось на первый взгляд, и был человеком, который любил шутить.

Уже стемнело, и представление в саду давно началось. Чэн Фэнтай провёл супругов Чан по всему дому, продолжая рассказывать:

— Этот дом раньше был резиденцией князя Жуя. Фань Лянь знает, что я не люблю китайские дома — они плохо освещены и холодные. Но вторая госпожа любит, и пришлось купить, как бы дорого это ни было! Шурин, знаешь, сколько стоит этот дом? Даже слушать больно! На эти деньги можно было бы построить такой же заново!

Он указал в сторону:

— Видишь тот колодец? Говорят, что во время событий 1900 года княгиня Жуй бросилась туда. Когда мой сын не слушается, я пугаю его этой историей. Ха-ха...

Чан Чжисин слушал с улыбкой, тихо спросив Фань Ляня:

— Он всегда такой?

Фань Лянь почувствовал, что сегодня зять ведёт себя ещё более странно, чем обычно:

— Обычно нет, сегодня он просто нашёл в тебе родственную душу.

Чан Чжисин рассмеялся:

— Очень интересный человек, ха-ха.

Фань Лянь горько улыбнулся:

— Да, очень интересный — настолько, что обычные люди не выдерживают его «интересности».

Он подошёл и схватил Чэн Фэнтая за руку:

— Зять, хватит. Шурина будет жить в Бэйпине какое-то время, осмотр дома можно отложить. Нехорошо оставлять гостей во дворе.

Чэн Фэнтай, увлечённый экскурсией, сказал:

— Пусть они сами развлекаются, моё присутствие необязательно. Или я должен подавать им чай?

Вдруг он остановился, хлопнул себя по лбу и с ужасом воскликнул:

— О нет! Я совсем забыл о шурине! Чан Чжисин...

Фань Лянь махнул рукой:

— Я провожу шурина, а ты поторопись. А то командующий Цао пристрелит тебя.

Хотя до стрельбы дело не дошло, выражение лица командующего Цао было уже крайне недовольным. За последние полчаса Чэн Фэнтай не появился, Шан Сижуй тоже не вышел, и рядом не было ни одной красавицы, чтобы развлечь его — жена Чэн Мэйсинь не в счёт. Командующий Цао никогда не был так обделён вниманием и несколько раз хотел уйти, но Чэн Мэйсинь удерживала его, уговаривая:

— Дорогой, Эдвин, должно быть, задержался по какому-то делу, подождём ещё немного. Скоро начнётся ужин, и ты сможешь наказать его, заставив выпить две рюмки.

Когда она повторила это в пятый раз, Чэн Фэнтай наконец появился с льстивой улыбкой на лице. Командующий Цао сердито посмотрел на него и холодно фыркнул.

Чэн Фэнтай засмеялся:

— Шурин, вы рассердились? Не сердитесь! У меня только что прибыли родственники в Бэйпин, я был занят их приёмом.

Командующий Цао сказал:

— Сяо Фэн, ты несправедлив. Они твои родственники, а я разве не родня? Чёрт бы тебя побрал!

Чэн Фэнтай, услышав, как командующий Цао «побрал» его бабушку, не изменил выражения лица и с льстивым видом начал чистить орехи. Командующий Цао хотел сказать, чтобы он перестал, так как съел их уже столько, что начал пукать. Но Чэн Фэнтай положил орехи себе в рот, что рассмешило командующего Цао, и он, ругаясь, назвал его негодяем, а затем вспомнил его мать и бабушку. Чэн Фэнтай лишь улыбнулся, не обращая на это внимания.

Командующий Цао не сердился на Чэн Фэнтая, так как они были схожи по характеру, и он искренне любил его, даже больше, чем собственного сына. Чэн Фэнтай не сердился на командующего Цао, считая его старшим, простоватым человеком и опорой, с которой можно просто не считаться.

Чэн Мэйсинь, откинувшись назад, через командующего Цао тихо спросила брата:

— У нас есть ещё родственники? Разве второй дядя и тётя не в Англии?

Чэн Фэнтай ответил:

— Не наши, а со стороны второй госпожи, её двоюродный брат и его жена... Ах! Это Чан Чжисин и Цзян Мэнпин из Пинъяна!

Он кивнул в сторону, и Чэн Мэйсинь увидела рядом с Фань Лянем пару, которая выглядела как идеальная пара. Чэн Мэйсинь была почти свидетелем событий в Пинъяне и знала все подробности. Она с интересом посмотрела на Чан Чжисина, подумав: «Он действительно красив, и любая женщина выбрала бы его, а Шан Сижуй — полуробёнок, сумасбродный и капризный, кому он нужен?»

Вспомнив о неудачных романтических приключениях Шан Сижуй, Чэн Мэйсинь улыбнулась с удовлетворением, но тут же вспомнила о чём-то важном, резко повернулась и с ужасом воскликнула:

— Погибель! Шан Сижуй здесь, а ты оставил их! Ты погиб!

Чэн Фэнтай удивился, он действительно не придавал значения этой вражде:

— На людях ведь ничего не случится, правда?

Чэн Мэйсинь сказала:

— Ты не знаешь Шан Сижую. Я жила с ним в одном доме полгода и хорошо его знаю! Он...

Она посмотрела на командующего Цао, который терпеть не мог, когда женщины сплетничают за спиной, поэтому просто сказала:

— У него скверный характер! Он вспыльчивый!

Но даже это не могло описать Шан Сижую, и после паузы она добавила:

— Когда он впадает в ярость, ему всё равно, сколько людей вокруг и кто сидит в зале. Он думает только о себе и вымещает злость!

Чэн Фэнтай, продолжая есть закуски, рассмеялся:

— Не может быть! Мне он кажется веселым парнем, а не тем, кого вы описываете.

Чэн Мэйсинь поняла, что он не поверит, и с досадой сказала:

— Посмотрим.

Веселый парень Шан Сижуй, напевая арию, рассматривал себя в зеркале. Он достал свои лучшие сценические костюмы и головные уборы, что показывало, насколько он близок с Чэн Фэнтаем.

Шан Сижуй посмотрел на часы и причмокнул губами:

— Сяо Лай! Я хочу пить!

Сяо Лай, дрожа, принесла стакан воды, и Шан Сижуй засмеялся:

— Ты что, глупая? Я же в гриме, как я буду пить? Принеси соломинку.

Сяо Лай тупо кивнула, взяла соломинку из корзины и вставила её в стакан. Шан Сижуй, будучи ленивым, наклонился и сделал несколько глотков, держась за руку Сяо Лай, которая дрожала так, что вода в стакане колыхалась. Посмотрев на её лицо, он увидел, что её щёки покраснели, а на лбу выступил пот, и рассмеялся:

— Девочка, ты со мной видела и императоров, и военачальников. Хотя это и резиденция князя, но здесь живёт не настоящий князь. Чего ты боишься?

Сяо Лай опустила голову:

— Я не боюсь...

Шан Сижуй, допив воду, снова запел арию, как будто никого вокруг не было, и сделал

несколько движений перед зеркалом, наслаждаясь собой.

Сяо Лай вдруг, закусив губу, сказала:

— Шан-лаобан, давайте сегодня не будем петь!

— Что за глупости? Почему бы и нет? Что с тобой?

Шан Сижуй сжал её руку:

— Тебе плохо?

Сяо Лай покачала головой, словно сдерживая что-то, и ушла. Через некоторое время Шан Сижуй увидел в зеркале, как она заглядывает за занавеску, с тревогой глядя в зал, словно там сидел огромный тигр.

Шан Сижуй тихо подошёл и хлопнул её по плечу:

— На что смотришь?

Сяо Лай вскрикнула и обернулась, её лицо было бледным, как у призрака. Шан Сижуй понял, что что-то не так, и тоже заглянул в зал. Первым он увидел Чэн Фэнтая, который тоже заметил его и начал подмигивать. Шан Сижуй невольно улыбнулся. Рядом сидели командующий Цао и Чэн Мэйсинь. Он подумал: «Когда я выйду на сцену, Чэн Мэйсинь, увидев меня, будет сдерживать гнев и пытаться улыбаться». Но она с беспокойством смотрела в другую сторону, не обращая внимания на сцену. Шан Сижуй последовал за её взглядом и замер на месте.

Удар барабана прозвучал, но главный актёр не вышел. Второстепенные актёры тихо позвали его, но он уже был в другом мире, не обращая внимания ни на ритм, ни на обстановку.

<http://bllate.org/book/15435/1368563>